

Клочки памяти

Моррис Фернандез

Он стоял у алтаря и смотрел на свою любимую Лауритту, которую по церковному проходу вёл под руку отец. Ее лицо скрывала белая фата, но он видел, что ее глаза не светятся счастьем. Ее отец был напряженным. Он взял свою любимую за руку, и они вместе подошли к алтарю. Они стояли около священника, который им что-то говорил. Они отвечали на его вопросы - он искренне, а в ее голосе искренности было немного. А рядом стояла маленькая девочка с русыми волосами в ярком нарядном красном платье, символизирующем непорочность и чистоту...

Мужчина открыл глаза от судорожного вздоха. Сердце колотилось в груди, лицо и тело было в поту, и он, протерев лицо руками, встал с кровати и направился в ванную. Умывшись и приведя себя в порядок, он позавтракал и, взяв свой портфель, направился на работу.

Сильно болела голова, и приснившийся сон не давал ему возможности хоть немного отдохнуть и настроиться на работу. Ему нравилась эта стажировка, он познакомился с интересными людьми, проникся Китаем и кухней, и даже не хотелось уезжать отсюда. Но работать оставалось чуть больше месяца, и это наводило на тоску.

День перевалил за середину, а самочувствие не улучшилось. Голова болела, сердце колотилось как-то странно в груди, хотелось сделать хоть что-то, чтобы избавиться от этой боли. Воспоминания о больнице, в которую он попал так неудачно, заставляло его сильнее нервничать.

- Мсье Фернандез, к вам там курьер пришел. Говорит, что важные документы из Испании принес, - сказал Антуан, и Моррис почувствовал какой-то необъяснимый прилив паники. Вздогнул и болезненно поморщился. - С вами все в порядке?

- Да, просто чувствую себя с утра неважно, - ответил мужчина и посмотрел на молодого человека. Снял фартук, кинул его на спинку стула и вышел из кухни.

Курьер стоял около стойки администратора. Моррис взял документы, расписался в их получении и вышел на задний двор. Здесь людей не было, была хорошая погода, ветер играл с листьями деревьев. Моррис открыл конверт и вытащил папку с документами. Вместе с папкой на асфальт упало обручальное кольцо, и этот звук показался ему слишком громким. Он болезненно поморщился и закрыл глаза. В груди защемило, в горле запершило. Справившись со своими эмоциями, он посмотрел на папку с документами. Сверху лежало письмо, написанное красивым почерком. Её почерком. Он бегло его прочитал и скомкал в руке. Посмотрел на свой кулак, потом перекинул взгляд на дерево и, подойдя к нему поближе, сильно впечатал кулак в его ствол, раздирая костяшки пальцев в кровь. Но боли не было. Была ярость. Он не мог поверить, что Лаура еще тогда, выкинув крестик, заставила Церковь признать их брак недействительным. Она его обманывала двадцать лет. Он целых двадцать счастливых лет был настоящим ослом. Он двадцать лет думал, что Лаура счастлива. Он простил ее, он честно выполнял все законы, он честно учил

все молитвы. И он честно клялся, что никогда не бросит ее...

Моррис Фернандез

- Возлюбленные Моррис и Лаура, вы слушали слово Божие, напомнившее вам о значении человеческой любви и супружества. Теперь от имени святой Церкви я желаю испытать ваши намерения. Имеете ли вы добровольное и искреннее желание соединиться друг с другом узами супружества?

- Да, - сказали они в унисон.

- Имеете ли вы намерение хранить верность друг другу в здравии и болезни, в счастии и в несчастьи, до конца своей жизни?

- Да.

- Имеете ли вы намерение с любовью принимать детей, которых пошлёт вам Бог, и воспитывать их в христианской вере?

- Да.

Воспоминания душили его, заставляли болезненно морщиться. Эти три вопроса, случайно всплывшие в памяти, предшествующие венчанию, имели цель удостовериться в присутствии свидетелей о свободе выбора и о полной свободе вступающих в брак и о христианском подходе к неразрывности уз брака и к целям брака. Он не верил, что она предала его. Он любил её, искренне и сильно, он простил её за те грехи, о которых она умолчала родителям. Он на самом деле верил, что всё это не имеет никакого смысла. Да, она потом выкинула крестик, она потом сказала, что никогда не будет крестить дочь. Он принимал её позицию и смирялся с тем, что он тоже обманывает церковь. Он был из простой семьи, про все эти законы, таинства и прочие обряды знал, но редко соблюдал их. Но он клялся перед алтарём, что будет её любить, что ради неё изучит, примет и поймёт все эти обряды. Неужели всё это было напрасно? Но почему она не сказала об этом раньше?

Он стоял напротив неё, держал её правую руку; их руки были связаны столой - специальной белой тканью. Он смотрел на свою любимую и улыбался. Теперь нужно говорить клятву. Он повторял за священником:

- Я, Моррис, беру тебя, Лаура, в жёны и обещаю тебе хранить верность в счастии и несчастьи, в здравии и болезни, а также любить и уважать тебя во все дни жизни моей.

Собственный голос отчётливо впивался в его сознание, застревая там острыми гвоздями и оставляющими незаживающими ранами. Он на секунду остановился и зажмурился, пытаясь вытянуть из памяти её клятву, но всё было тщетно. Её голос, такой звонкий и радостный, в его сознании звучал глухо и невыразительно. Почему

она согласилась на это, раз ей это не нравилось? Почему она не могла ему сказать об этом раньше? Может быть тогда не было бы так больно...

А руки жили будто бы своей жизнью и колотили бедное дерево. В какой-то момент он остановился и посмотрел на разбитые кулаки. Боли не было. Только пустота. Такая непривычная и пугающая...

Тору Мотидзуки

Обычно Тору освобождался вечером, когда уже начинало темнеть, оставляя жену практически весь день скучать в одиночестве. И хоть это положение вещей ему совершенно не нравилось, он пока не мог отказаться от части работы, которую успел нахватать, пока Яреци была в Японии. Пусть и клятвенно обещал себе решить этот вопрос в течение ближайшего месяца.

Сегодня ему повезло, и из-за отмены занятий он освободился намного раньше запланированного времени. Первым его желанием было сразу броситься домой к Яреци, но потом в голове возникла мысль заглянуть перед этим на работу к тестю и проверить все ли у него в порядке. Последние дни они с Моррисом общались только по телефону, и хоть его голос звучал ровно, время от времени в нем проскальзывали настораживающие нотки. Поэтому, взвесив все "за" и "против", Тору пока не стал звонить Яри и сообщать о своем раннем возвращении, решив сначала добраться до ресторана, который находился от его нынешнего местоположения даже ближе, чем снимаемая квартира.

Дорога не заняла много времени, и уже через полчаса Тору разговаривал с сотрудниками, интересуясь, где сейчас находится сеньор Фернандез. Наконец, ему сообщили, что тот недавно получил посылку и направился с ней за задний двор, и, после затянувшегося разговора, Мотидзуки, наконец, разрешили отправиться туда, чтобы встретиться с тестем. Чувствуя, что посылка может быть из Испании и содержать что-то неприятное, Тору попросил не идти за ним следом, чем окончательно вызвал нелюбовь к своей наглой персоне японского происхождения, но это его смущало столь же мало, как мнение окружающих о возрасте его жены.

Картина, поджидающая на заднем дворе, превзошла все ожидания повидавшего многое мужчины. Он видел Морриса всяким, но вот колотящим дерево с перекошенным от нескрываемой боли лицом... С таким он сталкивался впервые, и все бы отдал, чтобы тесть никогда не появлялся перед ним в таком состоянии, поскольку смотреть на него было чуть ли не тяжелее, чем страдать самому. И, понимая, что иногда навязчивая забота только мешает, Тору пока не пытался его остановить, ограничиваясь наблюдением за тем, чтобы попытка выплеснуть негатив не привела к серьезным физическим повреждениям и ожидая, пока Моррис сам заметит его присутствие.

Моррис Фернандез

Он ощутил чье-то присутствие и остановился. Выпрямился и посмотрел на стоящего неподалеку человека. Пелена ярости и сильной боли, которая застилала его глаза, не сразу позволила ему идентифицировать, кто именно стоит позади него. А когда осознание пришло, ему стало стыдно. Если бы это был кто-то другой, да хоть тот же Антуан или еще кто-то, пусть даже Гильермо, то он не обратил бы на это внимания.

А вот муж любимой дочери, появившийся так неожиданно в таком месте и в такое время стал свидетелем этого постыдного поведения, совсем ему несвойственного. И от этого было больно.

Он хотел что-то рявкнуть, но слова застряли в горле. Из груди вырвался стон.

- Уйди, пожалуйста. Мне не нужна жалость. Ты мне ничем помочь не можешь, - усталым и сломленным голосом сказал он, снова ударяя по стволу дерева. В этот раз стало больно, и он отсутствующим взглядом посмотрел на свои кулаки...

Тору Мотидзуки

Тору видел, как Моррису тяжело, и понимал, что ни одно его слово не сможет изменить того, что уже произошло. Он не знал причин такого поведения, но догадывался, что без матери Яреци здесь не обошлось. И эта женщина, которую он никогда не видел, постепенно начала вызывать у него стойкую неприязнь и желание отгородить от нее всех ценных для себя людей, будь то жена или тесть, которого он очень уважал и считал частью своей семьи. Но это было не в его власти, поэтому оставалось только по-возможности поддерживать всех пострадавших от ее сумасбродства и постараться не сделать хуже.

- Моррис, - Тору старался говорить спокойным и ровным тоном, - вы взрослый самостоятельный мужчина, и я не собираюсь вас жалеть. То что вы делаете - ваше дело. Хотите продолжать колотить по дереву или решите переключиться на меня - я не буду вам мешать. Но я останусь здесь. Если уйду, придут другие, и не думаю, что вам хочется красоваться перед всеми работниками ресторана. Не волнуйтесь, я не буду задавать вопросов или вынуждать вас говорить то, чего вы не хотите.

Высказав все, что ему хотелось, Тору скрестил руки на груди и прислонился спиной к стене. По его мнению, кулакам Морриса на сегодня уже хватало приключений, но он воздерживался от комментариев, по себе зная, что в состоянии ярости добрые советы только раздражают и вызывают агрессию на того, кто их давал, так что он предпочел замолчать и ждать дальнейшего развития событий, выжидая момент, когда тестя понемногу начнет отпускать.

Моррис Фернандес

- Я никогда не позволю им разрушить ее жизнь. Я не хочу крестить ее. Почему ты молчишь? Я тебе безразлична?!

Они стояли на пешеходном мосту. Она облокотилась о перила и держала в руках крестик. Он стоял рядом и держал руку на ее талии. Он любил ее и желал ей всего самого лучшего. Он не был уверен, что избавление от нательного крестика избавит их от проблем.

- Я не молчу, я слушаю. Я... не думаю, что это правильная идея. Ведь вера не заключается в том, что мы носим или не носим что-то на теле. Я всегда поддержу тебя, любимая. Я обещаю, что поддержу любое твоё начинание. Я клянусь, что буду оберегать тебя.

Его слова остались без ответа. Тогда он не обратил на это внимания. Тогда он сильно любил свою дорогую и любимую Лауритту, которая ждала первенца, он сильно любил малышку, которой уже успел придумать имя. Он был уверен, что жизнь будет прекрасная и радостная.

Где он ошибся? Почему он не обращал внимания, что она не повторяет, что любит его, что клянётся оберегать его. Он болезненно зажмурился. Вспомнил первую годовщину венчания. Особенный праздник, когда всё происходит примерно по такому же сценарию, как и само венчание, с небольшими погрешностями, такие же участия в Мессе и Литургии, такие же таинства и идентичные прошлогидным слова клятвы в верности. Вот только почему-то в первую годовщину он услышал клятву в верности далеко не сразу.

- Я, Лаура, взяла тебя, Моррис, в мужья и обещаю тебе хранить верность в счастье и несчастье, в здравии и болезни, а также любить и уважать тебя во все дни жизни моей.

От этих неприятных и причиняющих сильную боль, как душевную, так и физическую, отвлёк голос зятя. Мужчина сильно вздрогнул, сильнее сжал руку в кулак и нахмурился. Разжал кулак и опустил голову. На ладони лежал скомканный лист бумаги. Письмо, которое она написала, чтобы довести его. Она считала его предателем, она ненавидела свою дочь. И это ударило сильнее. Яри ей никогда ничего не делала плохого, она даже старалась не ссориться с мамой, но Лаура сейчас считала его и дочку предателями. Она ненавидела их, и это даже было видно по почерку. Она злилась, когда писала это письмо.

- Мы с ней обвенчались в церкви. мы давали клятву в верности перед священником. Мы проходили трёхмесячные курсы, я изучил все возможные каноны Церкви. Я искренне любил её, я старался делать наш брак счастливым, но она... она не просто так выкинула крестик. Уже тогда она расторгла брак. Уже тогда, за несколько месяцев после первой годовщины нашего венчания она отреклась от церкви. Это большой грех, католичество не принимает разводов. Она обманула Церковь. Я мог бы смириться с тем, что она хочет со мной развестись на законодательном уровне, но... зачем она это сделала? Ведь она знает, что мне было очень тяжело решиться на этот шаг...

Он внезапно осёкся и снова закрыл глаза. Из груди вырвался этот предательский стон. Было очень стыдно, что в таком состоянии его видит Тору. Но он ничего не мог поделать. Ему казалось, что ещё немного - и его прорвёт на откровения. Он не хотел ни с кем делиться всеми своими знаниями по поводу жизни Лауры. Но почему нельзя просто взять и забыть? Почему нельзя также вычеркнуть её из своей жизни, как это сделала она долгих девятнадцать лет назад...

Тору Мотидзуки

Какое-то время Моррис молчал, а затем разжал кулак и посмотрел на мятый листок бумаги, вероятно, бывший письмом с плохими известиями, таким взглядом, что Тору стало как-то не по себе. Но это действие, видимо, стало каким-то спусковым

механизмом, заставившим тестя начать говорить, частично объясняя причину его столь плачевного состояния.

- Никогда не мог понять, что творится у женщин в голове, и почему они не могут прямо сказать, если их что-то не устраивает. - Он не удержался от грустной усмешки. - Мне не дано до конца прочувствовать всю тяжесть навалившихся на вас откровений, но я легко могу представить себя на вашем месте. - Тору на какое-то время замолчал, решая стоит ли продолжать, но, в итоге, все же закончил свою мысль. - Я ведь говорил вам, что когда-то был женат? Так вот, не разведись я двенадцать лет назад, наверное, пришел бы к чему-то подобному.

Вспоминая недолгие, но очень тяжелые в моральном плане, месяцы своего брака, Тору испытывал огромную благодарность Моррису за то, что его дочь оказалась абсолютна непохожа на Харуку. Временами Яри устраивала концерты на пустом месте и вываливала все, что приходит ей в голову, или летела вперед, стараясь спасти весь мир от страданий и в процессе приумножить свои, но она все делала честно и от души. И он был полностью уверен, что возникни в их отношениях проблема, ему не пришлось бы неделями ходить вокруг жены, пытаясь выяснить что же все-таки не так.

Тору мог бы добавить к своим словам и что-то еще, но решил замолчать, полагая, что иногда взгляд может быть намного красноречивее. Он, как и обещал, не собирался жалеть Морриса, но был готов показать, что, теряя жену, тесть сохранял готовую разделить его горе семью, приобретенную благодаря женитьбе на этой непростой женщине.

Моррис Фернандес

- У них в голове творится женская логика, постичь которую не представляется возможным, - печально усмехнулся Моррис и сложил лист. Убрал в задний карман своих брюк и посмотрел на тыльные стороны своих рук. Костяшки были в крови и коре дерева, в каком-то месте свисал просто окровавленный лоскут кожи. Обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки окрасилось кровью.

Снова вспышка воспоминаний. Он не хотел вспоминать. Но эти воспоминания просто лезли и лезли, и ничего нельзя было с ними сделать. Нужно было вспоминать, но он боялся вытащить на свет именно те серьезные воспоминания, о которых он предпочитал не разговаривать. Он сам был в шоке, когда узнал об этом, он заставил Лауру признаться родителям в этом грехе. Она и сама хотела, но боялась. Может быть, нужно было сделать что-то другое?

Воспоминания один за другим проникали в его воспалённый мозг, и он беспомощно осмотрелся и сжал голову руками. Дошёл до скамейки и сел на неё. Он бы всё отдал, чтобы никогда не знать о том, что пришлось пережить его любимой Лауритте. И он жалел, что его тогда не было рядом. Ведь он всегда думал о ней, он надеялся, что когда-нибудь они встретятся.

- Нам нужно познакомиться с родителями. Мои мать и отец периодически спрашивают про тебя. Ты им нравилась, маленькая озорная девочка с косичками. Они не верят, что мы снова встретились.

- Моррис, ты же знаешь, что мой папа тебя убьёт, когда увидит рядом со мной. Я не хочу знакомить тебя с ними.

- Мы помолвлены, любимая. Мы скоро заключим брак и отправимся на таинство бракосочетания. Я хочу, чтобы твой отец повёл тебя к алтарю...

Это было его желание. Может быть, не заключи они церковный брак, сейчас было бы всё по-другому? Может быть и не было бы проблем. Ни с Яри, ни с кем-то другим. Почему нельзя вернуть время вспять и не совершить этих ошибок?

Он горько усмехнулся и посмотрел на молодого человека. Ярость отступила уже давно, а её место заняла беспомощность. Он был словно потерявшимся путником, который не знает, что нужно делать, чтобы выбраться из лабиринта. Чтобы вернуться на свой путь.

- Спасибо тебе, сынок, и... прости меня... что-то я совсем расклеился. Это, вероятно, выглядит очень глупо... - произнёс мужчина тихим голосом и увидел валяющееся на асфальтовом покрытии кольцо. Поднял его. - Эти кольца на церемонии бракосочетания поднёс нам главный свидетель. Этим свидетелем был её брат, Рикардо. Он... он доверял мне, он думал, что я смогу сделать Лауру счастливой. Но... почему она ничего не говорила?

Тору Мотидзуки

Прокомментировав его слова о загадочных процессах, происходящих в женских головах, Моррис снова замолчал и, на этот раз, надолго. Судя по выражению лица, его терзали призраки прошлого, и Тору не стал вмешиваться, пытаясь отвлечь тестя разговором от мрачных мыслей. Он считал, что некоторые моменты нужно просто пережить и никакая посторонняя помощь не заставит тебя сделать это быстрее, чем ты сам к тому будешь готов. После его последнего такого момента, волосы заметно укоротились, а в мочке уха появилась дырка, и Тору очень надеялся, что Моррис не пойдет по его пути и не начнет чудачить, чтобы как-то заглушить терзающую его боль.

- Это выглядит нормально, в отличие от ваших рук, которыми стоит заняться в ближайшее время. - Тору присел на скамейку рядом с тестем. - Вы же живой человек. Разве я был лучше, когда еще в России влез в драку неподалеку от здания посольства Мексики?

В тот день Моррис сильно ему помог, и он был бы рад ответить ему взаимностью и поддержать в трудную минуту. Но, пожалуй, нынешняя ситуация отца Яреци была хуже его собственной. Он хотя бы понимал, что глава семьи Мотидзуки не вечен и, с учетом преклонного возраста, может умереть в любой момент, а тесть наверняка не ожидал такого обмана от женщины с которой прожил рядом столько лет.

- Полагаю, вы делали все от вас зависящее, чтобы она стала счастливой. Только вот ее представление о счастье могло не совпадать с вашим, но она почему-то не желала говорить об этом. Или ей вообще нравилось быть несчастной и за что-то

себя наказывать. Кто же разберет? Наверное, если бы мужья и жены научились, наконец, полностью доверять друг другу, большая часть семейных проблем просто исчезла бы из этого мира.

Конечно, не ему, разрушившему свой первый брак, когда с момента свадьбы не прошло и года и еще толком не пожившему во втором, стоило рассуждать о семейной жизни, но других желающих поговорить на эту тему в округе не наблюдалось, так что Тору решился высказать свое мнение, пусть они и могло не соответствовать действительности.

Моррис Фернандез

Он рассматривал её обручальное кольцо и смотрел на своё. Что теперь делать? Подписать бумаги и постараться забыть? Что рассказать Яри, если она спросит, куда делось его обручальное кольцо, если он сейчас его снимет? Что она спросит, если вдруг Лаура ей расскажет, что развелась с ним? Хотя почему "если"? Лаура обязательно ей расскажет обо всём. И, разумеется, правду она говорить не будет. И он тоже не будет говорить правду о её *прошлой* жизни.

Он никак не стал комментировать слова зятя о той драке в России. Это прошло, это было на эмоциях, и, в принципе, это являлось нормальным. Молодой человек узнал о смерти отца, с которым не общался много лет, которого всё ещё где-то в глубине души если и не любил, то хотя бы ценил и уважал. Это ожидаемо. И в этом нет ничего неправильного и постыдного. А вот его ситуация самому Моррису не нравилась. Он не должен был срываться. Он показал себя не с самой лучшей стороны, предстал перед зятем каким-то слабаком и нытиком. И это было самое ужасное.

- Спасибо тебе. И... прости, что тебе пришлось выслушивать меня. Это... было очень неправильно с моей стороны. Я должен был контролировать свои эмоции... - Вздохнул мужчина. Он выглядел виноватым. - Ты прав, мне надо обработать руки. Я сейчас вернусь.

Он тяжело поднялся со скамейки и грустно хмыкнул. Нужно найти в себе силы, чтобы окончательно не потерять вид перед своим зятем. Но почему-то это сделать было очень тяжело, почти невыполнимая задача. Он заметил, что даже походка его стала какой-то другой. Как будто старческой. Будто ему не шестьдесят, а восемьдесят. Груз предательства единственной любимой женщины был настолько тяжёл, что ему казалось, что Атланты, которые держат небо, не так сильно сгибаются под его тяжестью. Их всё-таки много.

Он сунул руки под струю холодной воды. Жжение ощущалось не так сильно, как он ожидал, и он помыл руки и плеснул на лицо немного воды. Потом провёл по волосам ладонями, взъерошил волосы и посмотрел в зеркало. Только он увидел там не своё отражение, а молодого человека, очень похожего на Лауру. Очередное болезненное воспоминание. Он слабо застонал и тяжело облокотился о раковину.

- Нам надо поговорить, - подошёл к нему шурин. - Пойдём.

Он направился за Рикардо в его кабинет и сел в кресло. Почему-то сейчас он

чувствовал себя нашкодившим школьником, которого вызвал директор "на ковёр". Может быть потому, что всё это выглядело примерно так - Рикардо занимал высокий пост в правительстве, а Моррис тогда не был даже поваром в небольшом ресторанчике.

- Я вижу, что ты любишь мою сестру. Хоть и родители считают, что она достойна лучшего, я тебе верю. Она очень непростой человек, но всё-таки она моя сестра. И я люблю её. И если я узнаю, что она страдает из-за тебя... в общем, ты понял.

- Спасибо за доверие. Я очень люблю её, это правда. Я хочу сделать всё возможное, чтобы она была счастлива. Я готов её простить.

- Я предлагал ей рассказать об этом родителям, но она не хочет меня слушать. Её это всё сильно угнетает и терзает. Уговори её рассказать об этом. Тогда ты получишь благословение на брак...

Воспоминания закончились также неожиданно как и начались. Моррис тряхнул головой; капли воды, оставшиеся на волосах, попали на зеркало, и он грустно вздохнул. Взял бумажные салфетки и осторожно промокнул ранки на костяшках пальцев. Снова посмотрел на своё отражение в зеркале, убедился, что выглядит немного лучше, и вернулся во двор. Работать сегодня совсем не хотелось, и он подумал уже о том, чтобы отпроситься с работы и уйти домой. Но перед этим поблагодарить Тору за поддержку и участие.

- Она прислала бумаги по разводу. Если я их подпишу и верну ей, то она разведётся со мной. Мы больше не будем официально считаться мужем и женой. Хотя... мы и так не считались мужем и женой... И... потом будет раздел имущества. И квартира... Любимая квартира Яри в России. - Он замолчал и горько хмыкнул. Ведь только что он себе пообещал, что больше не будет жаловаться. Но по факту получилось наоборот. И это его угнетало.

Тору Мотидзуки

Долгое время Моррис смотрел на обручальные кольца: свое и жены. И Тору, понимая, что того сейчас обуревают невеселые мысли, решил не мешать, произвольно уставившись на собственный безымянный палец, на котором ничего не было. Они с Яри не проводили церемонию, ограничившись заполнением необходимых бумажек и, в каком-то смысле, он даже не спрашивал ее согласия на брак, заявив, что они должны пожениться. Что если и она с годами начнет смотреть на всю эту ситуацию с другой стороны, посчитав его действия принуждением, не оставляющим ей возможности решить, хочет ли она иметь детей в столь юном возрасте и связывать себя с немолодым мужчиной? Тору не знал ответа на этот вопрос. Даже больше, он безумно боялся когда-нибудь проснуться и обнаружить рядом с собой несчастную женщину, которая только и думает о том, как поскорее от него избавиться и начать жить нормальной свободной жизнью.

Пока он неосознанно пытался провести параллель между ситуацией Морриса и своей, тесть извинился и отправился привести руки в менее плачевное состояние.

По мнению Тору ранки следовало чем-нибудь обработать, но пока он не пытался навязываться, уважая права взрослого мужчины самостоятельно принимать решения и соглашаться или нет на чужую помощь. Вот если бы на его месте была Яри... Тору даже вздрогнул, представляя, как его эмоциональная жена до крови раздирает руки, дубася ни в чем не повинные деревья. Самое печальное, что нечто подобное вполне могло взбresti ей в голову, и совсем не факт, что он успел бы ее остановить до того, как она причинила себе какой-то вред. И, несмотря на все его попытки ее наругать и обещания страшных наказаний, он бы все равно размяк практически сразу, как она к нему приласкалась, портя прекрасный суровый образ, к которому привыкли его коллеги и ученики.

- Отец, - хотя в Японии подобное обращение к тестю было нормой, Тору раньше называл Морриса по имени, поэтому сейчас даже немного занервничал, не зная, как мужчина отреагирует на подобную вольность. – Я понимаю, что вас ждет непростой период, независимо от того, согласитесь вы на развод или нет. И, очень вас прошу не стесняться меня, словно я чужой человек. В минутных слабостях нет ничего постыдного. Могу сказать, что вы держитесь очень даже хорошо. А бы на вашем месте уже давно начал делать глупости. И кстати, по поводу глупостей. Думаю, Яри стоит рассказывать обо всей этой ситуации как можно меньше, а то она сильно расстроится и может что-нибудь учудить.

Тору понимал невозможность скрыть от девушки информацию о разводе родителей, но, надеялся оградить ее от самых болезненных моментов. И, наверное, стоило убедить ее не связываться с матерью и не отвечать на ее звонки, если та вдруг соизволит пообщаться с дочерью. Иначе на битье деревьев все могло и не закончиться.

Моррис Фернандез

Когда Тору назвал его отцом, он слабо вздрогнул и посмотрел на него. Судя по всему, молодому человеку было не очень комфортно его так называть, но такое обращение к тестю было нормальным. В России, где Моррис долгое время жил, такое обращение встречалось сплошь и рядом. Да и он сам нередко обращался к тестю таким образом. Или Лаура называла свою свекровь мамой. Это было нормально. Но просто что-то защемило в груди сейчас. Что-то мимолётное, странное и такое непривычное.

- Мне кажется, ты уже наделал глупостей, - Моррис, сам от себя такого не ожидая, взъерошил волосы Тору. Нежно, как отец иногда взъерошивает волосы своему непослушному сыну. Он убрал руку и снова посмотрел на кольцо своей жены. - Спасибо тебе, я... не считаю тебя чужим. Знаешь, мне даже стало как-то немного легче. По крайней мере, я уже знаю, что в чём-то мы не одиноки.

Он замолчал и посмотрел на часы. Обеденный перерыв, который он потратил на получение посылки и биение дерева, уже давно подошёл к концу. Моррис помнил, как управляющая недовольно ворчала, когда кто-то из официантов или поваров задерживался. Наверное, ему стоило попрощаться с зятем, собраться и пойти работать дальше, но что-то ему подсказывало, что сейчас работать он не сможет. Чувство опустошения никуда не делось, и он боялся, что снова ярость или что-то ещё могут к нему вернуться. Нельзя это допускать. А ведь он работает не просто с

бумажками, а с ножами.

Он усмехнулся и убрал кольцо в конверт, туда же положил документы.

- Я пока не буду подписывать бумаги. Мне нужно всё хорошенько обдумать. Наверное, это и есть кара за содеянное. Я обманывал Церковь, заключая брак с падшей женщиной... - Он вздохнул и внимательно посмотрел на зятя. - Я согласен с тобой, что дочка ничего не должна знать. Но я боюсь, что Лаура начнёт давить на неё... - Он посмотрел на дверь. - Знаешь, ну её, эту работу. Скажу, что у меня давление подскочило, мне всё-таки не двадцать лет, чтобы меня так эксплуатировали. Пойдём посидим где-нибудь. Я угощаю.

Тору Мотидзуки

Его родной отец редко притрагивался к своим сыновьям, предпочитая соблюдать некую формальность и отстраненность. Но Моррис... Он был совсем другим. Когда рука тестя взъерошила его волосы, Тору почувствовал себя помолодевшим лет так на двадцать пять, словно он был подростком, которого хотели пожурить, но, при этом, любили достаточно сильно, чтобы не держать на них зла за совершенные ошибки.

- Постараюсь больше не делать таких глупостей. - Тору не стал просить прощения за то, что совратил его дочь, которой, на тот момент, не успело исполниться и восемнадцати лет. Как и за свою неосмотрительность, приведшую к ранней беременности Яреци. Все это было бессмысленно, поскольку, он не сильно раскаивался в содеянном. Эти, в каком-то смысле неблагоразумные и даже аморальные поступки привели к тому, что у него появилась семья, о которой он раньше не мог и мечтать. И, прокручивая у себя в голове события недалекого прошлого, Тору благодарил судьбу за то, что она позволила ему совершить все эти глупости, благодаря которым он стал мужем, зятем и собирался стать отцом.

- Я поддерживаю ваше решение, - в глазах Тору появился характерный блеск в глазах. - Думаю, вам не стоит сегодня больше работать и с удовольствием составлю вам компанию.

Тору не хотел оставлять тестя одного с его проблемами, поэтому предложение Морриса пришлось ему весьма по вкусу. Конечно, еще несколько часов назад он только и думал, как оказаться дома рядом с Яреци. Но, как ему казалось, жена бы поняла его желание поддержать отца, и поэтому он ни минуты не колебался давая свое согласие на продолжение сегодняшнего общения с тестем и надеялся, что тот все же сможет справиться с навалившимися на него проблемами и, при поддержке близких людей, обрести душевную гармонию.

Моррис Фернандес

Мужчина кивнул и, попросив Тору немного подождать, скрылся в здании. Зашел на кухню и посмотрел на Антуана, который что-то с задумчивым видом резал и тихо ругался. Моррис усмехнулся и, вздохнув, помыл руки и подошел к нему.

- Помочь?

- Нужно сделать фигурную вырезку. Но ножей специальных нет. Я им говорил, что нужны ножи, но эта дура думает, что мы всемогущие, - проворчал молодой повар.

Моррис усмехнулся. Ему этот молодой человек нравился, он был чуть младше Тору, у него в голове были свои забавные тараканы, и мужчина, проработав с ним в паре все то недолгое время, проникся к нему.

- Давай помогу. Это надо немного по-другому делать, - мужчина посмотрел на свои руки, убедился, что ранки не мешают, но все-таки надел перчатки. Потом взял нож и быстро и виртуозно начал резать помидор и огурец. Антуан смотрел на него, открыв рот от удивления и уважения, а потом обратил внимания на содранную кожу рук.

- Спасибо вам, мсье Фернандез, - сказал он, когда Моррис отошел от рабочей поверхности. - Вы себя хорошо чувствуете? У вас вид неважный.

- Да, я, наверное, поеду домой. Мне действительно не очень хорошо. Я завтра постараюсь вернуться к работе.

- Я прикрою вас, мсье Фернандез.

Мужчины обменялись рукопожатиями, и Моррис, взяв портфель, покинул здание ресторана. Тору послушно сидел на скамейке, и это почему-то вызвало у него слабую улыбку. Он кивнул зятю, и они направились в сторону Запретного города, рядом с которым был ресторан. Моррис пока молчал и не знал, о чем говорить. Ему было все еще стыдно за это поведение и состояние, в котором его увидел Тору. Конечно, он понимал, что тоже живой человек, что тоже может сорваться и натворить каких-нибудь чудных дел, но все-таки ему было проще успокаивать того же Тору или помогать справиться с трудностями Гильермо, чем самому быть в таком положении.

Они пришли в небольшое кафе. Моррис заказал виски, попросил стаканы, выбор закуски оставил за Тору. Когда официант принес напиток и стаканы, он разлил виски по стаканам и поднял свой.

- Давай выпьем за то, чтобы когда-нибудь научиться понимать, что творится в черепной коробке у женщин, с которыми мы связываем свою жизнь, - усмехнулся он, стараясь делать свой голос веселым и непринужденным, однако в нем чувствовались печальные нотки.

Тору Мотидзуки

Пока Моррис решал вопросы с работой, Тору вернулся к невеселым размышлениям о собственной семейной жизни, а точнее, о скорости развития событий, приведшей к тому, что меньше чем за год Яреци превратилась из обычной ученицы в жену и будущую мать его ребенка. И если он сам, немало лет прожив в одиночестве, был раз обрести семью, то для девушки, до этого не имевшей опыта серьезных отношений, все могло восприниматься немного иначе. Наверное, ей хотелось учиться и гулять с ровесниками, а не заниматься домашним хозяйством в ожидании мужа, которого из-за возраста даже стыдно было бы показать друзьям, если бы такие вдруг завелись. А ведь впереди ее еще ждала забота о младенце, от которой,

даже при всем своем желании, Тору мог освободить ее на очень непродолжительный срок. И все это вызывало ряд вопросов, главный из которых заключался в том, сколько Яри продержится в таком режиме, прежде чем потихоньку начнет ненавидеть его за украденную молодость.

Возвращение Морриса, готового покинуть работу раньше времени, отвлекло Тору от неприятных мыслей. Он поднялся со скамейки и направился вслед за тестем, успевшим неплохо изучить район недалеко от ресторана и, похоже, изначально определившимися, куда они пойдут. К сожалению, аптек по дороге не было, а отклоняться от выбранного маршрута он не стал, поэтому руки Морриса так и остались без нормального лечения. Хотя повреждения, в большинстве своем, не показались ему особенно серьезными, давая возможность лишний раз не цепляться со своей заботой, пока тесть окончательно не придет в себя, и подобные мелочи снова не начнут его волновать.

- Согласен, - подтвердил тост Тору, когда они добрались до небольшого уютного кафе и, сделав заказ, принялись дегустировать местный виски. – Правда не уверен, что морально готов знать все, что творится в женской голове, но отдельные моменты, мне бы в свое время очень помогли. – Он опустошил свой стакан и негромко продолжил. – Я со своей первой женой из-за этого чуть с ума не сошел. Хорошо, что Яри не такая. Узнай она, чем мы занимаемся в то время, когда должны быть на работе, уже примчалась бы сюда и в красках объяснила все, что думает по этому поводу.

Мысль о Яреци отдалась в груди острой болью. Наверно, он сильно преувеличивал, но после разговора с тестем Тору никак не мог избавиться от мысли, что своей торопливостью поставил жену в ситуацию, когда она постепенно начнет разочаровываться в их браке. И как исправлять эту ситуацию он пока не имел ни малейшего понятия.

Моррис Фернандес

Виски были хорошими. За свою достаточно долгую жизнь Моррис перепробовал много самых разнообразных алкогольных напитков, выделил из всего числа пять-шесть любимых марок и старался не изменять своим привычкам. Посмотрев на стоящую на столе бутылку, он задумался, считая, сколько лет уже пьет. Получилось сорок два года. Лет в восемь он впервые попробовал алкоголь. Это была текила. Он пил на спор. А проигрывать спор совсем не хотелось - ведь проигравший будет мыть весь класс. А какому уважающему себя мальчишке хочется убирать класс, работая в паре с какой-то девчонкой? Правильно - никому.

Он усмехнулся своим мыслям и посмотрел на молодого человека, который, кажется, выглядел слишком загруженным. Он догадывался, что стало причиной такого подавленного состояния, и не знал, как ему помочь, что посоветовать. Он видел, что Тору боится, что этот брак будет тяготить и его, и её, и, как это обычно бывает, искал что-то общее между своим первым браком и нынешним. Но, по мнению Морриса, мало знающего о первом браке зятя, но видящим, как Яреци смотрит на своего мужа и свою беременность, основания для плохого настроения были надуманными. Может быть, это он ошибался, но он не хотел влезать в их отношения.

- Знаешь, - протянул Моррис, подбирая правильные слова и не забывая снова наполнить стаканы "огненной жидкостью", - Мне тогда Лаура, когда дочь сбежала из дома на твои поиски, ведь я тогда её не пустил, сказала, что у вас всё будет хорошо. Потому что только действительно любящее сердце может так страдать от разлуки. Лаура... она хоть и меньше времени проводила с Яри, но чувствовала, когда ей было плохо или когда чувства были незначительными.

Он замолчал и осушил свой стакан. Посмотрел на Тору и вздохнул. Это оказалось труднее, чем он думал. Он знал, что когда-нибудь состоится какой-то разговор, похожий на этот, где Тору или Яри будут не то, чтобы сомневаться в правильности всей этой ситуации, но как-то чувствовать себя некомфортно. И это не из-за разницы в возрасте и не из-за стремительности их отношений.

Воспоминания о Лауре снова пронзили его мозг, заставляя невольно поморщиться. Он налил себе виски в стакан и залпом осушил его.

- Знаешь, я в какой-то мере завидую вам. У меня, к сожалению, не было возможности помочь Лауре, когда она нуждалась в поддержке. Я тогда вообще не знал, что когда-то снова её встречу. Я жил воспоминаниями о ней, я несколько раз был в Испании, стажировался в ресторанах, но до того момента не видел её. И вот сейчас, глядя на эти бумажки, я понимаю, что отдал бы много, чтобы оказаться рядом с ней на пять лет раньше... - с болью в голосе произнёс мужчина, теребя кольцо на пальце. Но потом мотнул головой и вздохнул. Бросил взгляд на свои разбитые руки и усмехнулся. - Яреци бы нас убила, если бы увидела. Надо было чем-то обработать эти ссадины. Пускать виски на обеззараживание... как-то глупо. Но ничего... Вы уже придумали имя малышке? И... где вы собираетесь рожать?

Тору Мотидзуки

Видимо он выглядел как-то совсем невесело, раз Моррис, несмотря на свои проблемы, решил его приободрить и показать, что Яреци его любит и ценит. И хотя Тору был благодарен тестю за поддержку, он понимал всю свою ответственность перед женой, проявляющей к нему подобное отношение и сомневался в собственной способности соответствовать образу того мужа, которой ей бы хотелось видеть рядом с собой.

- Я знаю, что Яри относится ко мне очень искренне и буду делать все, чтобы она никогда не пожалела о своем выборе. Конечно, мой возраст является явным отягощающим моментом, но он и добавляет опыта и умения замечать действительно важные вещи. В отличие от какого-нибудь эгоистичного юнца, я искренне ценю все, что она сделала, чтобы быть со мной, но жизнь совсем не такая простая штука, как нам хотелось бы и, глядя на вас, я думаю, что иногда одной любви бывает недостаточно, а длительные семейные отношения сильно отличаются от яркой влюбленности юности...

Тору притянул к себе стакан, заботливо наполненный Моррисом и, почувствовав стыд за свои несвоевременные откровения, ненадолго замер, старательно разглядывая его содержимое.

- Да, стоит дойти до ближайшей аптеки и купить что-нибудь, чем можно обработать ранки. – Тору с радостью ухватился за возможность сменить тему. – Если что, я вам помогу. И вообще, вам как повару стоит побереечь свои руки.

В какой-то момент он почувствовал себя Яри, отчитывающей своего отца, только в очень мягком и ненавязчивом варианте и не смог удержаться от улыбки, настолько картина показалась ему забавной. Пожалуй, от нее самой подобного сдержанного высказывания добиться было просто невозможно, и она, окажись сейчас здесь, сильно расшумелась и попыталась бы применить воспитательные меры к двум взрослым мужчинам.

- Мы еще как-то не решили. – Вопросы тестя на какое-то время поставили его в тупик. Наверное, он действительно был не самым внимательным мужем, раз сосредоточился на своей работе и как-то не удосужился обсудить с женой такие важные моменты. Поэтому ему стоило поблагодарить Морриса и в ближайшее время начать менять свое поведение, согласно сделанным сегодня выводам, если он не собирался через несколько лет идти по стопам тестя и второй раз переживать неприятную процедуру развода.

Моррис Фернандес

Он посмотрел на руки и достал из портфеля пачку бумажных платочков. Достал один и промокнул ранки, которые немного воспалились. С грустью заметил, что, наверное, с возрастом ранки стали затягиваться дольше, и всё это проходит болезненнее. После той драки в самолёте с пьяным дебоширом прошло достаточно времени, но, если присмотреться, то шрам виден. Раньше такого не было. Ни двадцать лет назад, ни даже десять.

Это заставило его тяжело вздохнуть и выпить очередную порцию виски. Наверное, нельзя было пить так много на голодный желудок, да после такого потрясения, как прочтение письма, многого объясняющего. На откровения и размышления молодого человека он не стал никак отвечать. Он просто не знал, что именно нужно сказать и как прокомментировать. Он совершил свои ошибки, Лаура совершила свои. Яреци и Тору тоже совершат много ошибок. Он, как и любой родитель, хотел, чтобы у его ребёнка было всё хорошо в жизни. И он знал, что если Яри и Тору начнут думать не только о себе, а о друг друге, то и жизнь у них станет чуточку легче.

- Если ты сходишь в аптеку, я буду тебе благодарен, - ответил мужчина и достал из бумажника несколько юаней. - Вниз по улице, третий дом слева. Там хорошая аптека. А я пока закажу что-нибудь перекусить.

Он не знал, о чём ещё разговаривать с зятем, и стоит ли о чём-то ещё говорить с ним, поэтому посмотрел на часы. Наверное, стоит отпустить Тору, чтобы он пошёл к жене, которая, наверняка, скучает весь день одна, а самому пойти домой и наконец-то разобраться с документами. И определиться, что делать дальше и что говорить Яреци, если она что-то узнает. Он расплатился с официантом, забрал остаток виски с собой и поднялся следом. Странно, алкоголь совершенно не ударил в голову, и это, наверное, было хорошо.

Поэтому они с Тору вместе вышли из кафе.

Тору Мотидзуки

Его замечание по поводу ранок на руках не осталось незамеченным, и Моррис через какое-то время решился попросить его дойти до аптеки. От протянутых денег Тору категорически отказался, посчитав, что подобное оскорбляет его как мужчину, самостоятельно зарабатывающего за жизнь своей семьи. Он уже давно не был ребенком, о котором стоило заботиться в этом плане, так что вполне мог себе позволить, отправляясь в аптеку, потратить деньги из собственного кошелька.

Правда не успел он никуда уйти, как тесть, посмотрев на часы, передумал и решил покинуть кафе, видимо посчитав, что отнимает у него слишком много времени, и пусть Тору был в этом с ним не согласен, спорить не стал, послушно выходя следом за Моррисом на улицу.

- До аптеки мы все равно дойдем, и я вам помогу с руками. - Стальные нотки в его голосе говорили, что он не потерпит возражений, поскольку считает им неуместной глупостью. - И, отец, - его тон заметно изменился, - вы же знаете, что в любой момент можете мне позвонить?

Тору надеялся, что Моррис справиться с этой нелегкой ситуацией и, не идя на поводу у своей мужской гордости, не будет пытаться сделать это в одиночку. Даже несмотря на вероятный развод с женой, в его жизни оставались люди, которым он был не безразличен, и Тору с большим удовольствием причислял себя к их числу.
